

Игорь Виноградов

РЫЦАРЬ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ РОМАНТИКИ:

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ СЕРГЕЕВИЧА АРСЕНЬЕВА

Волею судьбы в мае 1978 года я оказался в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР – сотрудником сектора теоретических проблем психологии деятельности, официально именовавшегося почему-то лабораторией. Позади был разгром редколлегии журнала «Новый мир» А.Твардовского, где я работал, затем – почти восемь лет опальной ссылки в секторе эстетики Института истории искусств, откуда меня, в конце концов, тоже вежливо попросили, когда я выступил в поддержку изгоняемого по идеологическим соображениям заведующего нашим сектором Георгия Ивановича Куницына.

Я положил на стол новому заведующему свою работу по истории русской религиозной философии, написанную, как постановила дирекция, с антимарксистских позиций. Естественно, что я, литературовед и критик по профессии, чувствовал себя не слишком уверенно, направляясь в лабораторию, профессиональная специализация сотрудников которой была столь специфична и далека от моей. К тому же общая мрачная атмосфера времени не внушала особых иллюзий и на тот счет, что моя немарксистская методология непременно придется там к месту.

Однако действительность превзошла самые радужные возможные ожидания. Как очень скоро я понял, мне уникально повезло – я попал, в сущности, в последний уцелевший еще в Москве оазис подлинно свободной мысли, свободного научного поиска и интеллигентской порядочности. Таким Василий Васильевич Давыдов стремился сделать и во многом сделал возглавляемый им тогда институт, где в 70-е годы проводились интереснейшие, поразительно свободные дискуссии и обсуждения, где в переполненных аудиториях читал свои лекции Мераб Мамардашвили и другие крупнейшие гуманитарии того времени. А уж что до *лаборатории* теоретических проблем психологии деятельности, то тут, после напряженного, постоянно начеку, существования в Институте истории искусств, откуда я прибыл, я сразу даже и не осознал – что это? где это я? В каком времени и пространстве?... Здесь царила атмосфера лучших времен «оттепели» – так, как будто бы она не была давно уже позади; здесь я очень быстро ощутил, что и заведующий лабораторией Феликс Трофимович Михайлов, и Владимир Соломонович Библер, и Анатолий Сергеевич Арсеньев, составлявшие старшее ядро сектора, и молодые сотрудники и аспиранты – все это совершенно *свои* для меня люди, как и я, похоже, для них – *свой*. Во всяком случае, четыре года, проведенные в стенах института, я до сих пор числю одними из самых удачных и плодотворных в своей судьбе.

Здесь и вошел в мою жизнь Анатолий Сергеевич Арсеньев, с которым мы как-то особенно в эти годы сблизились, несмотря на разницу в возрас-

те и жизненном опыте: Анатолий Сергеевич прошел всю войну, тогда как мне не исполнилось еще и пятнадцати лет, когда она окончилась. Характер исследовательских поисков, которые вел Анатолий Сергеевич, существо проблем, которыми он не просто занимался, а поистине *жил*, – все это оказалось так близко мне, так перекликалось с моими поисками и проблемами, что общение с ним стало для меня одной из неперменных и важных потребностей тогдашней моей жизни.

Меня очень привлекала его концепция антропогенеза как органической самостановящейся системы, развитие которой происходит под воздействием двойной детерминации – *причинной*, обусловленной всем прошлым и наличным состоянием системы, и *целевой*, из будущего, заданной и задаваемой ей направляющим ее эволюцию *Разумным Центром Мира*. Такая модель развития человека и человечества совершенно недвусмысленно и твердо опиралась у А. С. Арсеньева на *религиозное* видение Мира, что он не только не скрывал, но всячески акцентировал. И это в те-то годы позднего «застоя», когда репрессивный маразм доживающего свой век коммунистического тоталитаризма эволюционировал отнюдь не в сторону какой-либо старческой бессильной терпимости! Скорее – неуправляемой старческой злобности.

Но *так* видел мир философ Анатолий Арсеньев, и ничто не могло заставить его, нарушив свой долг ученого и мыслителя, отказаться от того, что он считал истиной. «Я здесь стою и не могу иначе», – мог бы он повторить вслед за Мартином Лютером. И нужно ли говорить, каким нравственным авторитетом он должен был поэтому пользоваться – и действительно пользовался – в кругу тогдашних своих коллег?

Однако дело не только в самом по себе мужестве, которое требовалось, чтобы открыто защищать в те годы концепцию развития человечества, основанную на понимании человека как конечно-бесконечного существа, фундаментальной особенностью которого является способность и потребность трансцендировать в своем сознании в мир высших смыслов и ценностей бытия, задаваемых существованием «инстанции», достаточно прозрачно обозначаемой в системе Анатолия Арсеньева как «Разумный Центр Мира».

Дело, прежде всего, в том, что парадигма, в пространстве которой А. С. Арсеньев выстраивал тогда свою концепцию двухуровневой детерминации развития человечества, мне и сегодня представляется по самому существу своему наиболее методологически перспективной для дальнейших серьезных историософских научных поисков. В первую очередь, потому, что она открывает возможность рассматривать и изучать развитие человеческой культуры как постоянно продолжающееся во времени *откровение о человеке*, через которое и осуществляется целевая детерминация человеческой истории *сверху*, из области высших смыслов и ценностей бытия. И здесь концепция Анатолия Сергеевича вступает, кстати, в прямое взаимодействие с той концепцией *диалога культур*, которую уже тогда начал разрабатывать в своем семинаре коллега А. С. Арсеньева по сектору В. С. Библер.

Вряд ли нужно как-то особо доказывать, что во всех своих теоретических построениях Анатолий Сергеевич Арсеньев – прямой преемник и

продолжатель великой философской традиции, которую создала в конце XIX – начале XX века блистательная плеяда русских религиозных философов – от Владимира Соловьева до Павла Флоренского. А то, что концептуальные разработки А. С. Арсеньева чем дальше, тем очевиднее выявляют и подтверждают и свою актуальность, и свою теоретическую перспективность, – прямое свидетельство и выражение внутренней мощи и непреходящей жизненности этой великой философской традиции, в потенциальном теоретическом поле которой нас могут ждать еще многие содержательнейшие исследования и открытия.

Эта преемственная связь с наследием русского философского Ренессанса проявляет себя, несомненно, и в понимании А. С. Арсеньевым природы того глобального кризиса современности, описанию и анализу которого уделено в его работах едва ли не центральное место. И даже – в той, слишком, на мой взгляд, жесткой и прямолинейной категоричности, с которой он разводит современный Запад, Восток и Россию. Запад – как носителя рационально-технологического отношения к миру, Восток – как ареал постепенного озападнивания, но все еще застойный в своей агрессивной консервации традиционных антиличностных форм социальной жизни и самого сознания, и Россию с ее аморфностью социального бытия, антиномичностью менталитета и духовных устремлений, как нечто еще исторически «недовоплощенное».

Тут, конечно, есть о чем поспорить, но то, что Россия в процессе антропогенеза до сих пор представляет собою нечто до конца еще не оформившееся и в этом смысле более открытое к восприятию и усвоению тех высших божественных импульсов, которые могут направить ее развитие в сторону решительного преодоления тупиковых путей современной цивилизации, – эта перспектива не выглядит совсем уж невозможной. Во всяком случае, Анатолий Сергеевич верил в нее свято, именно здесь был центр его упований, его надежд, его аналитических изысканий, и это более всего и роднит его с его великими предшественниками.

Он, конечно же, такой же, если можно так выразиться, *трансцендентальный романтик*, какими были и они, замороженные идеей и идеалом богочеловечества. Он такой же истовый рыцарь этой веры и этой идеи, какими были В. Соловьев и Н. Бердяев, С. Булгаков и С. Франк. И это никак не означает, что он не сознавал возможности и опасности совсем другой перспективы для нашей «недовоплощенной» России. Его романтика не закрывала глаза на то, о чем предупреждала научная трезвость. Просто она была *целевой*, и в этом все дело. Ведь на такой подход он имел не просто полное право в качестве свободного мыслителя. Как философ, исповедовавший двухуровневую детерминацию исторического процесса, он был просто *обязан* занять именно такую, активную позицию, принять и на себя хотя бы частицу той ответственности, которая возникает сразу же, как только вы решаетесь принять – хотя бы в теории – участие в акте и процессе исторического целеполагания.

Он и в жизни, по самой природе своей, был такой же трансцендирующий романтик, как и в своей философии, – удивительно доброжелательный, расположенный к людям, всегда открытый к общению и диалогу.

Невероятно притягательна была сама его манера излагать свои мысли – с каким-то улыбчивым и как бы несколько даже недоуменным смешком, как будто он сам удивлялся и радовался неожиданной содержательности того, о чем говорил. Это придавало общению с ним некую особую, радостную прелесть.

...Увы, уникальная возможность такого общения в стенах нашей лаборатории и с ним, и с другими ее сотрудниками длилась для меня недолго – всего каких-нибудь четыре года. У власти дошли, наконец, руки и до последнего московского очага свободной мысли – институт был разгромлен. Директор его – Василий Васильевич Давыдов, которому вменялось, в частности, в вину и то, что он пригрел у себя в институте таких одиозных персонажей, как А. С. Арсеньев и И. И. Виноградов, был снят с должности и исключен из партии. Лаборатория наша перестала существовать, и мы с Анатолием Сергеевичем тоже, естественно, оказались выставленными за порог. Совсем общение наше на этом, конечно, не прекратилось, но жизнь развела нас по разным пристанищам, и понятно, что встречи наши стали куда более редкими и достаточно случайными, хотя меня всегда продолжало интересовать то, что делает и о чем размышляет Анатолий Сергеевич. И когда лет через десять я стал редактировать перебранный из Парижа в Москву журнал «Континент», в одном из первых же московских его номеров я напечатал большую статью своего бывшего коллеги по приснопамятной нашей *лаборатории* «Глобальный кризис современности и Россия»...

Как это горько, что Вас уже нет с нами, дорогой Анатолий Сергеевич.

И как это важно и радостно, что Вы – *были*.

Спасибо Вам за это.

